

В. П. БУДАРАГИН

На Северной Двине и в верховьях Пинеги

Экспедицией 1974 г. мы предполагали завершить археографическое обследование Верхнетоемского района Архангельской области. Прежде всего нас интересовали районы, еще не посещавшиеся археографами. Это были населенные пункты, наиболее удаленные от основной транспортной магистрали — Северной Двины, до которых добраться можно было, как известно, лишь при благоприятных погодных условиях.

18 июня экспедиция (в составе И. И. Гумницкого и В. П. Бударagina, впоследствии к ней присоединился корреспондент газеты «Советская культура» А. С. Миловский) вылетела в Котлас. Утром следующего дня мы были уже в Верхней Тойме, откуда в тот же день удалось на самолете попасть в верховья Пинеги. Эти места интересовали нас по двум причинам. С берегов Пинеги за 12 лет поисков в Древлехранилище поступило более 500 рукописей XIV—XIX вв., преимущественно литературного и исторического содержания. Правда, в деревнях выше Суры экспедиция 1969 г. не нашла ни одной рукописи,¹ но обследуемый район мог в равной степени быть связан и с северодвинской рукописной традицией. Сведения об этом у нас имелись.² Были даже конкретные адреса владельцев старинных «славянских» книг.

Обследование мы начали с деревень Горковского сельсовета. Горка — общее название для 16 деревень, растянувшихся на 35 км по обеим берегам Пинеги.

В д. Керга и в ближних деревнях Лохома и Бор ни рукописей, ни старопечатных книг не оказалось.

Затем мы обошли деревни Горка, Слуда, Машканово, Монастырь, съездили за 25 км в д. Вадюга, но не нашли ни одной старопечатной или рукописной книги. Район был явно не старообрядческий, и мы решили лететь на Выю.

Деревни Выйского сельсовета расположены по берегам Пинеги и ее притока р. Выи. Места живописные. Встречаются дома с росписями. Но ничего, что могло бы заинтересовать археографов, не удалось обнаружить и в этом районе. Мы видели лишь два старообрядческих издания начала века в одной из дальних деревень у старушек-скрытниц. О старообрядцах как в Горке, так и на Вые вообще довольно смутное представление. Это те, кто жили на Двине и ниже по Пинеге.

После неудачи и в этом, новом для нас, районе мы вернулись на Северную Двину. Здесь местом нашей работы стало с. Нижняя Тойма. Находки предыдущих двух экспедиций свидетельствовали о развитой книжной традиции этих мест и позволяли надеяться на результативность дальнейших

¹ Н. С. Демкова, Л. И. Сазонова. Отчет о пинежской экспедиции 1969 г. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 323—324.

поисков. Надежды эти подтвердились. Именно в Нижней Тойме были сделаны основные наши приобретения. Вновь пополнился архив местного художника, писца и переплетчика Василия Ивановича Третьякова. Иван Андреевич и Анна Григорьевна Третьяковы, бережно сохраняющие все связанное с памятью дяди, передали нам 77 листов рисунков и прорисей, принадлежавших Василию Ивановичу. Среди них — рисунки неизвестных художников конца XVIII—начала XIX в., образцы творчества самого В. И. Третьякова, часть листов — произведения кургоминского художника конца XIX в. П. И. Бурмагина, с которым, очевидно, был тесно связан В. И. Третьяков. Среди рисунков обнаружилось письмо Василия Ивановича 1899 г. с его шутивным автопортретом.

Этим не ограничились наши находки в гостеприимном доме Третьяковых. Анна Григорьевна передала нам еще рукописный сборник последней четверти XIX в., в состав которого вошли повести о Царе Аггее и царевне Персике, два списка мучения Кирика и Улиты, стихи о молодом иноке, о двух старицах, о втором пришествии Христовом, сатирическая газета из ада, выписки из Златой цепи, Египетского патерика и др. Иван Андреевич, когда-то помогавший своему дяде переплетать книги, подарил нам изготовленный из оленьего рога инструмент для накатки и тиснения басм на коже переплета.

В соседней деревне Березник мы приобрели сборную рукопись XVIII—XIX вв., переплетенную топецким мастером И. С. Точиловым. Представляет интерес находящийся здесь список Службы двинской красногорской иконе Одигитрии с пространной записью о исправлении и дополнении службы в 1698 г. и о том, что второй канон службы «сочинися трудом царственных московския типографии смотрителя и еллино-греческия школы учителя Феодора Поликарпова». Из других памятников отметим «Слово воспоминательное о св. чудотворцах, в России воссиявших», Семена Денисова; службы Александру Свирскому (на крюках) и новым русским чудотворцам; Житие Марии Египетской; «Извещение всем христоименитым людем» Батманова (местное полемическое старообрядческое сочинение); список 105 источников Кирилловой книги; вероисповедание старообрядцев Преображенского кладбища, и др.

От нижнетоемского краеведа С. Г. Третьякова мы получили Страсти Христовы в списке конца XIX в. с 11 миниатюрами, выполненными пером и чернилами, и Псалтырь 40-х годов XIX в. местного письма с изображением царя Давида и несколькими заставками. Хранитель местного краеведческого музея Р. С. Сенчукова передала нам Устав о христианском житии 1875 г. Удалось пополнить сведения об известном нижнетоемском художнике, писце и мастере книжного переплета Егоре Игнатьевиче Меньшикове. Мы привезли, в частности, его фотографию 1909 г., — роспись на стекле рамки выполнена самим художником. Результатом поисков в д. Прилук явилось Житие Николы Чудотворца в списке XVII в., служба в пасхальную неделю последней четверти XIX в. и переписанная уже в XX в. молитва архангелу Михаилу.

Безрезультатной оказалась наша поездка в верховья р. Нижней Тоймы в д. Качем. В свое время это был крупный местный центр старообрядчества, потом жители стали переселяться ближе к Двине. Не исключено, однако, что отдельные находки здесь еще возможны.

Следующим местом наших поисков стали деревни Афанасьевского сельсовета Заборье, Усть-Юмиж и Юмиж. Здесь мы надеялись пополнить по крайней мере наши представления о книжной продукции местных переписчиков В. С. Вежливцева и Д. И. Торотина. Однако единственным нашим приобретением в Юмиже была платежная книжка крестьянина Сольвычегодского уезда Василия Борового за 1870—1915 гг. В Усть-Юмиже,

в доме основных наших адресатов, хозяева были заняты. Что за книжное собрание хранится у них, осталось неизвестно. Судя по рассказам жителей, рукописи и книги из этих деревень сосредоточивались в последнее время у некоего жителя из Афанасьевского, переехавшего года три тому назад в Москву.

Последним районом, обследованным экспедицией, было с. Тимошино. Деревни образуют здесь непрерывную двенадцатикилометровую цепочку, и на все деревни осталось 4 старообрядческих дома. Известно, правда, что несколько человек переехали в с. Красноборск. Исчерпывающую археографическую характеристику району дал 85-летний А. М. Поляков: «Была где-то тетрадошка со стихами про Иоасафа, да не нашел. Ребятишки все лазают. Та вот вроде рукой писана. А книги все поздние. У нас раньше книг вообще почти не было. Потом привозить стали, уже новой печати». Действительно, почти все книги, что мы видели, были изданиями старообрядческих типографий начала века.

В Тимошино удалось приобрести лишь два небольших сборника-конволюта XVIII в. В первом из них наряду с печатными текстами — «Кратким правоучением», сокращенным катехизисом с добавлением повседневных молитв (М., 1721), «Священной историей для малолетних детей» (СПб., 1775, без конца), «Российским царским памятником» (СПб., 1785, только титульный лист) — сохранились рукописные отрывки из генадиевского Стоглава (с 64-й главы), поучения Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста к юношам; стихотворение Карiona Истомина о смерти (из его букваря, — М., 1696); четырехстрочные вирши о крещении, покаянии, причащении, священстве, браке и др., а также молитва Богородице со ссылкой на «новопечатный троязычный» букварь, изданный в 1725 г. Второй сборник-конволют содержит Азбуку, напечатанную в 1787 г. в Клинцовской типографии Якова Железнякова, и переписанные в конце XVIII в. «Молитву на учение грамоте» и «Наказание ко учителем».

После экспедиции этого года на территории Верхнетоемского района Архангельской области практически не осталось «белых пятен» для археографов. Находки, хотя и незначительные, позволяют, однако, расширить наши представления как о нижнетоемской рукописной традиции, так и о книжности на Северной Двине в целом. Думается, что поиски в этом районе еще могут быть продолжены, так как некоторая часть древнерусских рукописей сохраняется у населения и по сей день.